

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В РУССКОМ ПОЗИТИВИЗМЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

А.Е. РЫБАС

В конце XIX – начале XX вв. весьма заметное влияние на русскую философию оказывал эмпириокритицизм, идеи которого широко использовались отечественными мыслителями самых разных направлений. Особое внимание привлекали тезис о метафизической нагруженности опыта и идея критики опыта как критики языка, а также учение об универсальном значении телеологизма как следствия закона равновесия в природе. Русские позитивисты, опираясь на эти положения, разработали свою, вполне оригинальную версию научной философии, и одной из наиболее важных ее частей являлась философия языка.

Одним из первых пропагандистов и теоретиков позитивизма был В.В. Лесевич. Задаваясь вопросом об эволюции языка, он пришел к выводу о том, что она должна рассматриваться в связи с эволюцией человека. «Всякому состоянию индивида, – писал он, – всегда соответствует известное состояние языка, а “эволюция языка”, как ряд смен этих состояний, всегда должна иметь определенное соответствие ряду параллельных смен состояний индивида»¹. Принцип параллелизма развития человека и языка Лесевич дополнил влиянием внешней среды, так что образовалась система из трех составляющих: человек, среда и высказывания человека, обусловленные воздействием на него внешней среды. Эволюция этой системы рассматривалась как смена колебаний и устойчивых состояний: в мире, где «все течет», достижение относительно устойчивого состояния (адекватная реакция человека на действие окружающей среды, выраженная в слове и обеспечившая сохранение человека) вследствие влияния дополнительного фактора (изменения условий существования, столкновения с языковой реальностью других людей или культур) сменяется колебанием (поиском средств для достижения устойчивости, созданием новых слов), которое приводит к устойчивому состоянию более высокого порядка, и т.д.

Однако такое объяснение развития языка требовало решения вопроса о происхождении речи. Согласно Лесевичу, слова создаются человеком и являются объективацией его субъективного опыта. «Если язык есть форма высказываний индивида, то он яв-

ляется, следовательно, заместителем его внутренней жизни, — показателем различных ее состояний»². Более того, единство языка обуславливается единством субъективного опыта человека, а значит, правила грамматики и принципы организации внутренней жизни вполне сопоставимы, если не тождественны: «Звуки, слоги, слова и группы слов — все части, на которые распадается наша речь, составляют нечто единое, связанное лишь постольку, поскольку части эти объединяются и связываются в самом индивидуе»³.

Разграничивая науку о языке и философию языка, Лесевич подвергает критике метафизические представления о языке как об отдельном самостоятельном организме. Такое понимание языка было характерно для первобытного человека, который не мог добиться единства и полноты своего мировоззрения без многочисленных примыслов. Особое положение среди этих примыслов занимает отождествление предмета с его названием: именно оно является источником метафизики.

Согласно Лесевичу, процесс именованя предметов связан с необходимостью выбора одного из его признаков, который будет затем положен в основу значения слова, замещающего предмет, т.е. будет служить своеобразным маркером соответствующего содержания опыта. Ссылаясь на Авенариуса, Лесевич утверждает, что для осуществления выбора данный признак должен выделяться на фоне других признаков, а это бывает тогда, когда он повторяется в комплексе элементов чаще, чем остальные признаки. «Эта повторенность выставляет его как проявление чего-то постоянно пребывающего в предмете, чего-то прочного и устойчивого среди текучести и изменчивости других признаков»⁴. Таким образом, выделившийся вследствие повторяемости признак получает значение главного, существенного в данном комплексе элементов и затем представляет весь комплекс. Словесное обозначение признака становится обозначением предмета, его символом.

С течением времени, поскольку мысль о предмете вызывается тем же самым признаком, которым вызывается и его название, символическая природа слова отходит на второй план и предмет сливается с его именованем, возникает уверенность в их тождестве. Затем происходит еще одна подмена, благодаря которой образуется смысл субъективности: «Что считалось правильным по отношению к названиям предметов, признавалось верным и по отношению к личностям, к другим индивидам, таким же, как и предметы, составным частям окружающей среды»⁵. В результате создаются благоприятные условия для развития метафизики.

Образованные с помощью отождествления признака предмета и самого предмета слова являются теоретическими конструкциями — условными обозначениями комплексов элементов, при-

чем они зависят как от предмета, который именуют, так и от человека, именующего предметы и включающего их тем самым в пространство своего опыта. Забвение условности обозначений и придание им статуса автономно существующих понятий, которые, к тому же, впоследствии становятся презентантами истинной реальности, приводят к отрыву обозначения от предмета и от человека. Человек лишается вследствие этого творческой способности словопроизводства и попадает в плен к языковой реальности, так что ему начинает казаться, будто не он говорит словами, называя предметы, а слова говорят сами, выговаривая вещи в их подлинности и побуждая человека прислушиваться к ним.

Во избежание подобного «метафизического бормотания» Лесевич проводит четкое различие между словом и понятием. Слово – это непосредственное выражение состояния человека, действующий тут и теперь механизм организации его субъективного опыта. Каждое слово уникально, поскольку всегда интонируется и обуславливается конкретными условиями его произнесения: нельзя терять из виду, что «жизнь всякого отдельного слова, всякого отдельного звука длится ровно столько времени, сколько слово это, этот звук произносятся и воспринимаются, и что затем они могут быть воспроизводимы, повторяемы тем же индивидом или другими всегда лишь только приблизительно, никогда не тождественно»⁶. Понятие, напротив, представляет собой опосредованное выражение состояния индивида и служит для организации объективного опыта, т.е. является средством общения людей. Как средство общения, понятие фиксирует формальное условие взаимного понимания и должно быть поэтому инвариантным, а, следовательно, все субъективное, конкретное, преходящее с необходимостью останется за его пределами.

Очевидно, что слова и понятия, как правило, связаны друг с другом, однако так бывает далеко не всегда. Слово первично (так как бывают слова без понятий – жесты, звуки и т.д.), и из него абстрагируется понятие. Всякое понятие – это транскрипция слова, и оно полностью зависит от последнего как от своего живительного субстрата. Ошибка метафизики в том и состоит, что, концентрируя внимание на понятиях, она упустила из виду слова – как раз то, благодаря чему и в чем понятия существуют. Действительно, понятие, которое никто не мыслит и не произносит, не имеет никакого отношения к реальности, коль скоро реальность исчерпывается опытом человека. Выраженное в слове понятие сразу же интонируется, осмыслотворяется в зависимости от конкретных условий, и его теоретическое содержание трансформируется, становится уникальным (так, одно и то же понятие, помысленное или произнесенное разными людьми и даже одним

человеком в разное время, получает различное значение). Следовательно, понятие никогда не бывает «чистым» и не существует отдельно от слова.

И слова и понятия упорядочиваются в соответствующие системы: из слов состоит живая, разговорная, устная речь, из понятий — письменный, условный язык. Отношение между устной речью и письменным языком такое же, как и отношение между словом и понятием. Устная речь — это живительное начало письменного языка, выступающее в необозримом множестве индивидуальных говоров. «В действительности, — утверждает Лесевич, — существует столько языков, сколько существует индивидов»⁷. Каждый человек говорит на своем языке, поскольку использует принадлежащие только ему уникальные слова. Понимание между людьми, их общение обуславливаются тем, что возникает понятийный язык: он образуется путем абстракции из разнообразных вариантов устной речи и закрепляется как язык письменный при помощи правил грамматики — формальных условий его целостности. Существование письменного языка напрямую зависит от соблюдения этих правил, и, сохраняя их, письменный язык играет в культуре консервативную роль, имеет, как выражается Лесевич, «центро-стремительное значение». Устная речь, имеющая «центробежное значение», выступает генератором инноваций, каждый раз по-новому отражая жизнь, которая «остаётся повсюду и всегда непрерывным потоком изменений»⁸.

Подобно тому, как Авенариус представлял развитие философии по мере сужения ее проблематики, Лесевич изображает эволюцию понятийного языка как постепенный переход от единства к множественности. Вполне можно допустить, что первоначальный язык, обеспечивавший взаимопонимание индивидов на самом примитивном уровне, был языком единым, общим для всех, так как общение — это и есть обнаружение общего, которое является первичным по отношению ко всему индивидуальному. Так, в первобытном мышлении еще не было актуализировано различие субъекта и объекта, а это значит, что взаимопонимание между индивидами было возможным просто потому, что собственно индивидов и не было. Субъективный опыт в его противопоставленности опыту объективному — это результат более позднего развития, и проблема непонимания — достояние более развитого мышления. Таким образом, понимание является неперемнным условием непонимания, и наличие последнего даже в качестве актуальной проблемы философии никак не отрицает изначального понимания, но, наоборот, демонстрирует его.

Из общего праязыка развились впоследствии многие наречия, или национальные языки, служащие средством понятийного об-

щения более конкретных социальных групп. По сравнению с первоначальным языком, они были содержательно богаче и позволяли достичь взаимопонимания в ситуации субъект-объектной раздробленности опыта. Однако взаимопонимание это не могло быть полным, поскольку затруднялось противостоянием устной речи и письменного языка: последний считался эталоном, языком учености и культуры, в то время как устная речь простонародья понималась как испорченный письменный язык, «нечто, напоминающее фабричный сток»⁹.

Разрешение антагонизма народного и эталонного языков должно привести, по мысли Лесевича, к высшей стадии развития языка, характеризующейся максимально возможным творческим сближением устной речи и письменного языка. В этом случае будет достигнуто органичное отношение между словом и понятием: последнее уже не будет противостоять первому как нечто формальное и абстрактное, но явится его поэтическим определением, формой жизни. Таким образом, живой разговорный язык получит возможность реализовать свои творческие потенции и позволит выработать средства максимальной объективации субъективного опыта, преодолевая тем самым разрыв между культурой и жизнью. «В новом фазисе своего развития язык явится прежде всего прочным связующим звеном между погруженным в тяжелый труд народом и наукою — этим общим результатом труда не одной только местной интеллигенции данной страны, но коллективного труда интеллигенции всего света, являющимся поэтому плодом общественной деятельности и вместе с тем общественным достоянием»¹⁰.

Тезис об уникальности живого слова и об условности сопряженного с ним понятия получил развитие в концепции эмпириосимволизма П.С. Юшкевича. Критикуя метафизику и показывая ее несостоятельность в объяснении процесса познания, русский философ предложил отказаться от традиционного «субстанциального мышления». Это мышление характеризуется прежде всего тем, что основывается на вере в субстанцию — «художественный символ», созданный первобытным человеком с целью систематизации довольно ограниченного круга явлений, а именно его опытов с твердыми телами. Таким образом, «субстанциализм есть по преимуществу идеология твердых тел, идеология возведенных в абсолют осязательных ощущений»¹¹, и границы его применимости определяются степенью примитивности человеческого опыта. Так, для обыденной жизни метафизика субстанциализма вполне пригодна, поскольку представляет сущее в его конечной определенности. Мир же в целом — как логически упорядоченную совокупность сущего, или картину, в результате чего человек

обретает ту «простоту взгляда», которая и позволяет ему видеть в преходящем нечто неизменное, «подлинное».

Очевидно, что субстанциальное мышление, акцентируя внимание исключительно на «подлинном», теряет из виду действительное содержание опыта. Неудивительно, что проблема возможности познания является для метафизики принципиально неразрешимой: коль скоро сущее дуализируется на вещи в себе и явления, оно предстает в качестве двух несводимых друг к другу сфер. Таким образом, следствием субстанциального мышления — если оно придерживается своих основоположений — непременно должен быть агностицизм. Однако агностицизм, несмотря на его теоретическую обоснованность, противоречит практике обычной жизни. Следовательно, нужно исходить не из предпосылки о дуалистической раздробленности сущего, а из постулата о его единстве. С этой целью Юшкевич противопоставляет метафизическому субстанциализму философский констанциализм, т.е. такой подход к интерпретации сущего, который позволяет создать динамическую картину мира, отражающую, с одной стороны, онтологическое единство сущего, а с другой — относительность и бесконечность его познания. «Если субстанциальное мышление определяется господствующим в нем образом твердой основы, подпорки, то типичный для констанциализма образ — это поток, течение, но поток с присущей ему закономерностью, постоянством»¹².

Новое, неметафизическое мышление, согласно Юшкевичу, должно исходить не из рациональной транскрипции сущего, которая некритически отождествляется с сущим как таковым и наделяется атрибутом абсолютной истины, а из непосредственно данного, богатство содержания которого нельзя адекватно зафиксировать с помощью разума. То, что дано в опыте и что является основой познания, всегда уникально и неповторимо, а значит, взятое само по себе, иррационально. Однако иррациональность данного ни в коем случае не исключает его познаваемости, а, наоборот, предполагает ее. Чтобы понять это, необходимо отказаться от привычного метафизического дуализма и воспринять данное в опыте не как отражение подлинной реальности самой по себе, а как единственную реальность.

Действительно, если нечто дано нам в опыте, то это значит, что оно уже как-то познано нами, рационализировано; вернее, данное в опыте представляет собой изначальное единство абсолютного содержания и бесконечного множества его рационализаций. Познание потому и возможно, что мы изначальное знаем то, что познаем: как нечто уникальное, содержание опыта известно нам целиком, поскольку является нашим переживанием, од-

нако знанием оно становится только в том случае, если нам удастся найти для него соответствующую форму объективации. Очевидно, что эта форма не может быть адекватной и является только условной, символической. «Вообще быть реальностью, — утверждает Юшкевич, — значит собственно быть известным эмпириосимволом. Так называемая же настоящая реальность, бытие “само по себе”, это та инфинитная, предельная система символов, к которой стремится наше познание»¹³.

Опыт как «поток данного» символичен: это значит, что ему присущ *λόγος* — разум, порядок, постоянство и способность выражения в слове. Порядок в иррациональное вносит неизменность отношений — констанций, которые только и могут быть предметом познания. Действительно, познание предполагает объективацию, т.е. выражение в другом и через другое, а значит — фиксацию отношения к другому; таким образом, знание есть знание отношений, а не сущего. Познавательная деятельность человека, или «рационализирование бытия», всецело сводится к установлению констанций. «Иррациональность, иллогичность данного преодолевается рациональностью эмпириосимволов, которые и являются нашим Логосом»¹⁴. С одной стороны, констанции — это идеальные неизменные отношения, а с другой — они представляют собой символические конструкты, которые постоянно трансформируются в процессе познания. Неизменность констанций является следствием объективации содержания опыта, но поскольку адекватных объективаций не бывает, то констанция может быть неизменной только в относительном смысле, как наиболее оптимальный в настоящее время способ систематизации опыта. Реальность поэтому принципиально динамична, ее можно охарактеризовать как перманентный процесс выражения невыразимого. Насколько «поток данного» оказывается схваченным в акте символизации, настолько он становится познанным, или реальным, однако эта реальность не может быть «застывшей», самой по себе — она полностью зависит от символизирующей деятельности человека.

Итак, единственная реальность, к которой имеет доступ человек и частью которой он является, это реальность символического. Но это значит, что реальность имеет словесную природу, что это реальность языка. Действительно, согласно Юшкевичу, «есть только эмпириосимволы»¹⁵, и деление содержания опыта на чистые факты, или абсолютно данное, и чистые символы, или абсолютно созданное, является неверным, так как можно говорить только о делении эмпириосимволов по виду и степени символизации. Очевидно, что при таком делении мы получим не две онтологически разнородные сферы опыта, а два противоположных направления, в которых можно исследовать единую и непрерывную реальность.

В связи с этим Юшкевич критикует попытки «прямого описания» опыта с целью создания науки, «свободной от гипотез», предпринимавшиеся в том числе Э. Махом и В. Оствальдом: познание ведется не при помощи копий, а посредством символов, оно эмпириосимволично по своей сути и, развиваясь, идет к эмпириосимволам более высокой степени символизации. «Если уже говорить о данном, — пишет Юшкевич, — то основное, первичное и даже единственное данное — это поток сознания, всепроникающая взаимная связь и соотносительность переживаний. Все связано со всем, все может означать все, все потенциально символизирует все»¹⁶. Научные понятия отличаются от обычных не тем, что они отражают объективную, независящую от субъекта действительность, а более активным, или творческим, отношением к реальности, когда символизации подвергаются не только данные опыта, но и отношения между ними. Символизирующая деятельность человека не свидетельствует при этом об онтологическом разрыве между субъектом и объектом: «Искусственность познания есть естественная искусственность, а не какая-то образовавшаяся вдруг самопроизвольным зарождением творческая инициативность разума»¹⁷.

Эмпириосимвол как элемент реальности — это слово о бытии, или данность иррационального, определяющая содержание понятия. Структура эмпириосимвола выражается формулой $e + s + c$, где e обозначает явление эпифеноменализма, s — субституции, а c — конвенциональности. Основой, или эмбрионом, эмпириосимвола является субституция, т.е. замещение комплекса разнообразных ощущений одним из его элементов. Процесс субституции, согласно Юшкевичу, объясняется физиологически — это физиологическая реакция, которая порождает ряд психических ассоциаций и постоянно сопровождается ими. Вследствие этого образуется единый психофизический ряд, в котором выделяется «светлое ядро» (доминирующий или наиболее часто повторяющийся элемент ряда) и «психическая туманность» (совокупность всех необходимых для данной реакции ощущений, которые находятся в полускрытом виде). Доминирующее ядро ряда становится заместителем всего ряда — происходит субституция. Важно подчеркнуть, что эмбриональный уровень развития символического исключает разделение на субъект и объект, на знак и означаемое: здесь наблюдается тождество, вернее, исходная неразличенность будущих противоположностей. Юшкевич употребляет в связи с этим понятие «феноменализм», подчеркивая тем самым, что, взятые феноменально, в их целостности, комплексы ощущений столь же бытийны, сколь осознанны.

Эпифеноменализм представляет собой дальнейшее развитие субституции. После того, как произошло замещение ряда ощу-

щений одним из его элементов, появилась возможность установления отношения данного элемента к тому ряду, который он замещает. В процессе фиксации этого отношения доминирующее ядро ряда противопоставляется всему ряду как знак — означаемому. Противопоставление это, однако, не приводит пока к онтологическому разрыву, поскольку знак мыслится как точная копия означаемого. Но в то же время субституирующий элемент получает некоторую независимость: он наделяется значением и становится символом — словом. Юшкевич обращает внимание на то, что этот символ является безусловным, или произвольным, так как здесь еще отсутствует момент конвенциональности: несмотря на то, что значение получает эпифеноменальную трактовку, т.е. мыслится как «внутреннее» содержание слова, само слово еще не отрывается от своей физиологической основы, оно «неотделимо от выражаемой им вещи, составляет одно целое с ней»¹⁸. Первобытные языки, согласно Юшкевичу, появились вследствие произвольной символизации, о чем свидетельствуют имеющиеся в каждом современном языке рудименты безусловных символов — звукоподражательные слова и междометия, выражающие различные оттенки чувства.

Конвенциональность — третий элемент структуры эмпиросимвола — обнаруживается в процессе постепенного роста символизации, когда становится очевидной относительность ее безусловности. Первые слова-копии создаются произвольно, и в них непосредственно символизируются соответствующие физиологические состояния индивида, но как только эти слова начинают обозначать состояния не отдельного человека, а нескольких людей, они теряют свою безусловность и становятся конвенциональными.

Переход от индивидуального значения к коллективному происходит благодаря пересечению психических рядов отдельных людей и фиксации их общих элементов в качестве объективной реальности. Так, некоторые элементы различных рядов могут совпадать, поскольку физиологические реакции вызываются одним и тем же явлением. Многообразии словесных выражений индивидуальных физиологических состояний можно, поэтому, свести к определенному единству, причем оно будет характеризоваться относительной независимостью от конкретного человека; при эпифеноменальной трактовке слова общие элементы составят содержание слова, его значение, которое будет известно не одному только человеку, а всем членам данного сообщества. Таким образом, конвенция происходит не потому, что люди, пребывая в доязыковой реальности, имеют какой-то способ договориться о значении будущих слов, а потому, что слова являются отражением их совместной жизни и деятельности.

Вообще отдельный человек, обладающий личным опытом и умеющий дифференцировать свои переживания, — это продукт более позднего развития. Изначально имеет место, скорее всего, нечто вроде коллективного человека, который непосредственно реагирует на внешние воздействия и не осознает себя как субъекта. Именно поэтому конвенциональность эмпириосимволов на ранних этапах эволюции языка сводится практически к нулю и связь слова с обозначаемой им вещью является безусловной. Только со временем, вследствие появления рефлексивного мышления, слова-копии обнаруживают свою конвенциональную природу, что приводит, в частности, к возникновению философии: «Момент философского удивления с того и начинается, что знак отделяется от означаемого»¹⁹.

Еще один представитель русского позитивизма, С.А. Суворов, интерпретируя положительную философию как философию жизни, утверждал, что понять познание и связанный с ним язык можно только как явления жизни. «С точки зрения философии жизни, — продолжал Суворов, — не только процесс познания, но и все содержание сознания складывается из проявлений жизненного процесса, из *переживаний*»²⁰. Переживания разделяются на три вида: непосредственно данные (содержание субъективного и объективного опыта), познавательные и чувственные. Это не значит, однако, что переживания существенно отличаются друг от друга — речь идет только о различных определениях переживаний, и разделение их является условным. «Все переживания можно прежде всего рассматривать как непосредственно данное: восприятие внешних явлений, процесс познания, состояния воли и чувства»²¹.

Переживания разложимы на элементы — ощущения, которые Суворов определяет как «первичные испытывания процесса жизни с его реакциями на воздействия среды»²². Если ощущения не сложились в чувственные образы, то они не образуют опыта, а являются только его элементами, которые имеют уже познавательное содержание или качество (различия вкусов, звуков, цветов и т.п.), и чувственный тон (окраска приятного или неприятного). Синтез ощущений образует восприятие (образ), которое выступает начальным моментом объективации: «Объективация содержания совершается самим актом созерцания: данное и сущее сливаются в единство наличного явления»²³. Затем, при помощи абстракции, из богатого содержанием данного переживания создаются представление и понятие, которое закрепляется в слове. Таким образом, слово — это символическая фиксация переживания в понятии посредством представления.

Согласно Суворову, понимание переживаний и созданных из них представлений и понятий является интуитивным. Понятий-

ному мышлению предшествует и затем существует наряду с ним образное мышление — досоциальная форма познания, непосредственное понимание явлений. Более того, «интуитивная деятельность ума представляет основу и материал для рассудочного мышления, органически связанного с формами речи»²⁴. С помощью интуиции понимаются не только элементарные переживания и слова, но и сложные отношения между комплексами элементов, причем интуитивное понимание может быть намного быстрее и правильнее рассудочного. «В интуитивном познании выражается та непосредственная мощь живой природы, примерами которой служат и инстинкты животных, и сметливость простого народа, и созерцание гения»²⁵.

Признавая жизненное содержание любой мысли и утверждая ее тесную связь с языком, Суворов, однако, не соглашается с положением М. Мюллера о том, что «нет разума без языка, нет языка без разума», поскольку на начальном этапе развития речи формы выражения психического опыта не являются понятийными. Эволюцию языка Суворов представляет в виде последовательно прохождения трех этапов.

На первом этапе психические переживания проявляются без сознательного намерения сообщить о них другим людям: таковы «выражающие движения» (мимика, жесты, движения частей тела, меняющаяся окраска кожи и т.д.) и «выражающие звуки» (крики боли, испуга, радости и пр.). На втором этапе выражающие движения и звуки преобразуются в формы сообщения — язык жестов и язык звуков. Это уже средство общения, однако оно является всецело интуитивным, так как за определенными звуками или жестами еще не закрепляются соответствующие значения. Наконец, на третьем этапе возникает язык в полном смысле этого слова. Первыми понятиями были звукоподражательные корни, которые образовались при помощи абстракции из выражающих звуков — по мере того, как модуляция тона и артикуляция звука вносят множество оттенков в выражающие звуки, которые при этом используются для общения, язык звуков утрачивает свою первоначальную изобразительность и трансформируется в членораздельную речь. Элементы последней представляют общие действия людей, необходимые для существования социума, а также повторяющиеся явления внешней среды, имеющие жизненное значение для человека. Затем из звукоподражательных корней создаются все остальные понятия.

Для доказательства своих воззрений Суворов ссылается на данные сравнительного языкознания и прежде всего на теорию Л. Нуаре, согласно которой язык образовался из возгласов, сопровождавших общественно-трудовые акты людей. По Нуаре,

когда первобытные люди занимались какой-нибудь однородной работой, особенно ритмической, они сопровождали свои действия (движения тела) вибрациями голоса. Эти звуки, во-первых, были знаками повторяющихся актов и, во-вторых, были понятны для всех. Общепонятный знак повторяющегося акта — это и есть зародыш слова, звукоподражательный корень — первое понятие, содержание которого представляло многие акты как один акт.

Возникновение языка Суворов связывал с необходимостью выработки мифологического мировоззрения — исторически первой формы идеологического единения людей. Согласно Суворову, слова обозначали сначала собственные действия и состояния людей, а потом стали использоваться для обозначения действий и состояний объективного мира. Ключом к пониманию всей действительности послужил человеку его субъективный, личный опыт, и все существующее стало представляться человеку сообразно с тем, что было более всего ему знакомо. «В создании мифов деятельность воображения не является произвольной и случайной, — писал Суворов, — она проникнута внутренней закономерностью и смыслом. Основой мифологического творчества является действительность, как содержание опыта; из нее черпается материал воображения, по ее образу, под ее влиянием и ради ее объяснения создаются мифы. Мифический мир есть отраженный мир опыта, подчиненный субъективному принципу объяснения»²⁶.

По мнению Суворова, основной механизм создания мифологического мировоззрения представляет собой по форме аналогию (заключение от сходства явлений к сходству производящих их причин), по содержанию — метафору (перенос содержания субъективного опыта на опыт объективный), по принципу объяснения — обусловленность в форме мотивации (трактовку явлений по образу человеческих действий). Этот же механизм является и механизмом создания первого языка, который зафиксировал отношение людей к действительности и позволил им расширить их самочувствие и самосознание до чувства и сознания жизни всеобщей. Благодаря языку был создан новый мир — мир поэтического отражения человеческой жизни, взятой во всей совокупности ее возможного содержания. «Он населен был могучими, прекрасными и грозными существами, олицетворявшими стихийную мощь природы и великие силы, движения и формы жизни»²⁷.

Дальнейшее развитие языка и мышления привело к трансформации мифологии в метафизику. Метафизическое мировоззрение характеризуется прежде всего догматизацией поэтических определений сущего, превращением их в трансцендентные сущности и дуалистическим объяснением мира. В результате мифологичес-

кие теогония и космогония преобразуются в метафизические теологию и космологию, содержание опыта интерпретируется при помощи сверхопытных инстанций.

Развитие метафизики приводит к появлению ее высшей формы – метафизического универсализма, который создает условия для возникновения положительного мировоззрения – научно-философского реализма. Положительная философия, согласно Суворову, заимствует у метафизики идею универсальной системы знания, обнимающей все сущее в своих высших определениях, и приступает к преобразованию метафизических понятий при помощи критики языка. В результате все метафизические категории утрачивают статус сверхопытных реальностей и становятся лишь общими определениями содержания опыта: «Им придается уже не субстанциальное, а только методологическое значение»²⁸.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что русские позитивисты, соглашаясь с большинством положений эмпириокритицизма и разделяя соответствующую трактовку языка, отказывались рассматривать слово исключительно в техническом, инструментарном смысле и обращали внимание на его реальность. Тем самым они, так или иначе, были склонны понимать язык онтологически, следуя сложившейся в России философской традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лесевич В.В. Всемирный язык и народные языки // Русская мысль. Кн. XII. 1900. – С. 1.
- ² Там же. – С. 3.
- ³ Там же.
- ⁴ Лесевич В.В. Всемирный язык и народные языки // Русская мысль. Кн. XI. 1900. – С. 21.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Лесевич В.В. Всемирный язык и народные языки // Русская мысль. Кн. XII. – С. 3.
- ⁷ Лесевич В.В. Всемирный язык и народные языки // Русская мысль. Кн. XI. – С. 25.
- ⁸ Там же. – С. 26.
- ⁹ Там же. – С. 32.
- ¹⁰ Там же. – С. 37.
- ¹¹ Юшкевич П.С. Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволлизма // Русский позитивизм: В.В. Лесевич, П.С. Юшкевич, А.А. Богданов. – СПб., 1995. – С. 145.
- ¹² Там же. – С. 146.
- ¹³ Там же. – С. 136.
- ¹⁴ Там же. – С. 146.
- ¹⁵ Там же. – С. 126.
- ¹⁶ Там же. – С. 125.

¹⁷ Там же. — С. 135.

¹⁸ Там же. — С. 113.

¹⁹ Там же.

²⁰ Суворов С. Основы философии жизни // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. — СПб., 1905. — С. 29.

²¹ Там же.

²² Там же. — С. 41.

²³ Там же. — С. 48.

²⁴ Там же. — С. 51.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. — С. 16.

²⁷ Там же. — С. 18.

²⁸ Там же. — С. 22.

Аннотация

В статье представлен анализ воззрений русских позитивистов В.В. Лесевича, П.С. Юшкевича и С.А. Суворова на язык. Доказывается тезис о том, что второй позитивизм в России выработал оригинальную концепцию философии языка, в которой органически сочетались идеи эмпириокритицизма и лингвофилософской традиции русской философии.

Ключевые слова:

русский позитивизм, философия языка, эмпириокритицизм, эмпиросимволизм.

Summary

The article provides an analysis of how language was interpreted by the Russian positivists V. Lesevich, P. Jushkevich, and S. Suvorov. The author argues that the second positivism in Russia created an original philosophical conception of language by means of combining the ideas of both empiriocriticism and the linguistic-philosophical tradition in Russian philosophy.

Keywords:

russian positivism, philosophy of language, empiriocriticism, empiriosymbolism.